АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС РОССИИ

В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА 1910—1914

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1965

Сводные работы по истории народов СССР, в том числе и учебники, дают самое общее представление о новом революционном подъеме. М. В. Сидоров попытался раскрыть поставленную Лениным проблему об общенародном характере стачек в эти годы. Однако из всей суммы вопросов, связанных с темой о роли пролетариата как гегемона и выразителя интересов народа на буржуазно-демократическом этапе революции, автор в самом общем виде остановился лишь на воздействии рабочих стачек на подъем движения крестьянства, солдатских масс и студенчества [18].

В последнее десятилетие продвинулось изучение истории монополистического капитализма в России. Это имеет существенное значение не только для уточнения сложившихся ранее представлений о характере и особенностях империализма в стране, но и для раскрытия степени социально-экономических противоречий, их обострения после 1905—1907 гг., что позволяет лучше понять причины и неизбежность нового революционного подъема. Более отчетливому представлению об истоках подъема революционного движения в 1910—1914 гг. способствует и изучение политики господствующих классов — буржуазии и помещиков, оформления и краха третьеиюньской монархии [19].

Интенсивно идут разработка историко-партийных проблем, изучение борьбы В. И. Ленина за укрепление партии против ликвидаторов-меньшевиков, истории Пражской конференции, деятельности «Правды», истории местных большевистских организаций [20].

---

[18] М. В. Сидоров. В. И. Ленин об общенародном характере стачек в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.).— «Труды Ленинградского кораблестроительного ин-та», вып. 30, обществ. науки, 1960.

[19] См.: А. Я. Аврех. Третьеиюньская монархия и образование третьедумского помещичье-буржуазного блока.— «Вестник МГУ», ист.-филол. серия, 1956, № 1; его же. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908—1909 гг.).— «Исторические записки», т. 53, 1955; его же. Вопрос о западном земстве и банкротство Столыпина.— «Исторические записки», т. 70, 1961.

[20] Кроме указанных выше работ см.: В. Т. Логинов. Ленин и «Правда» 1912—1914 гг. М., 1962; сб. «„Правда" в Азербайджане». Баку, 1962; сб. «„Правда" и Донбасс». Донецк, 1962; сб. «„Правда" на Дону». Ростов н/Д, 1962; С. М. Петров, В. Я. Климушев. В. И. Ленин и Пражская конференция РСДРП.— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 1; И. А. Портянкин. «Правда» и страховая кампания 1912—1914 гг.— «Вопросы истории КПСС», 1962, № 2; Г. В. Петряков, И. С. Сазонов. Большевистская «Правда» в

Из тем, непосредственно относящихся к истории рабочего класса и нового революционного подъема, наибольшее внимание историков привлек вопрос об источниках пополнения пролетариата и его состава, а также статистический анализ стачечного движения.

Уточнение численности стачек и участников их поможет выяснению размаха стачечного движения 1910—1914 г.

В. И. Ленин, раскрывая особенности рабочего движения в 1912 г., писал: «Выросла численность пролетариата — процентов minimum на 20. Выросла концентрация пролетариата. Усилилась чисто пролетарская основная опора движения в силу ускоренного освобождения от связи с землей. Увеличилась в громадных размерах, которые не поддаются учету, масса пролетарского и полупролетарского населения в „кустарной" промышленности, в ремесле и в сельском хозяйстве» [21]. Вопрос о росте численности пролетариата и усилении его концентрации достаточно отчетливо прослеживается по всем материалам о развитии промышленности. Концентрация промышленности способствовала сплочению рабочих, росту их революционной боеспособности и благоприятствовала широкому развитию рабочего движения.

Какими путями и как интенсивно шел процесс отрыва от земли фабрично-заводских рабочих? В какой степени рост пролетарского и полупролетарского элементов в «кустарной» промышленности, ремесле и сельском хозяйстве влиял на освобождение пролетариата от связи с деревней и увеличение чисто пролетарской прослойки среди работающих в промышленности? Для ответа на эти вопросы применительно к началу XX в. исследователи располагают значительно меньшей суммой сведений, чем для 80—90-х годов XIX в., когда земствами по ряду губерний были проведены специальные обследования, давшие массовый материал о стаже работы, связи с землей и другие сведения о составе рабочих. Данные о потере земли крестьянами и их уходе на промыслы в начале XX в. достаточно подробны, но они дают лишь косвенный и далеко не исчерпывающий ответ на поставленные вопросы.

1912—1917 гг. (обзор историко-партийной литературы).— «Вопросы истории КПСС», 1963, № 1, и мн. др.

[21] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 282.

С. И. Антонова в своей интересной работе, посвященной исследованию изменений в составе рабочих, происходивших под влиянием столыпинской реформы, на основе изучения многочисленных источников прослеживает рост отхода из деревни на заработки, считая, что этот отход был направлен главным образом в промышленность [22]. Э. Э. Крузе, отвечая на вопрос об источниках пополнения пролетариата Петербурга, также утверждает, что он заключался в массовом притоке крестьян, с одной лишь оговоркой: «Можно предположить,— пишет она,— что крестьяне уже дома порвали связь с землей и превратились в ремесленников-кустарей» [23]. Этой же точки зрения придерживаются Л. И. Лескова [24] и многие другие исследователи. Однако можно ли считать, что в период империализма, когда промышленность давно прочно встала на ноги, а численность рабочих достигла внушительной величины, по-прежнему, как и во 2-й половине XIX в., деревня продолжала оставаться основной базой беспрерывного пополнения фабрично-заводских рабочих?

Переписи городского населения, матрикулы и другие материалы промышленных заведений, обычно используемые для изучения состава рабочих, в частности их сословной принадлежности, фиксировали данные паспортов. Но числившийся по паспорту крестьянином на деле мог иметь совершенно другие занятия, ничего общего не имеющие с сельским хозяйством. Да и путь крестьянина в фабричную промышленность был далеко не во всех случаях прямым, а проходил через ряд промежуточных ступеней: работа по извозу, в строительстве, прислугой и т. д.

Как известно, по данным обследований состава рабочих Московской и Владимирской губерний, произведенных еще в 80—90-х годах XIX в., среди рабочих младших возрастов преобладали выходцы из рабочих семей.

В XX в. применение труда малолетних рабочих и подростков продолжало увеличиваться, среди них также подавляющую часть составляли те, кто имел своими родителями фабричных рабочих. Это подтверждается данными по Московской губернии, собранными в 1908 г. Так, среди

[22] См. С. И. Антонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (по материалам Московской губернии 1906—1913 гг.). М. 1951, стр. 116, 165 и др.
[23] Э. Э. Крузе. Указ. соч., стр. 75.
[24] См. Л. И. Лескова. Годы подъема..., стр. 21.

малолетних мужского пола потомственных рабочих было 67,7%, среди рабочих 15—20 лет — 59,9% [25]. Еще выше доля потомственных рабочих была среди этих возрастов на механических заводах [26]. Потомственные рабочие в Московской губернии составляли среди мужчин 44,4%, а среди женщин 35,0%. С конца 1910 г. по конец 1913 г. количество рабочих в промышленных заведениях, подчиненных фабричной инспекции, увеличилось на 367,9 тыс. чел., а малолетних и подростков — на 55,6 тыс. (с 203,4 тыс. до 258,9 тыс.) [27]. Считая, что ежегодно около одной четвертой части общего числа малолетних и подростков переходило в состав взрослых, выходит, что за годы промышленного подъема вновь поступило на заводы и фабрики до 200 тыс. рабочих младших возрастов (из 203,4 тыс. за 3 года — около 150 тыс., плюс 56,6 тыс. вновь поступивших), из них примерно около двух третей (130—140 тыс.) были выходцами из рабочих семей. Таким образом, из общего числа рабочих, влившихся в промышленность в эти годы, потомственные составляли около двух пятых. Приток в промышленность из семей рабочих шел как за счет малолетних и подростков, так и за счет лиц более старших возрастов. Поэтому долю в две пятых вряд ли приходится считать завышенной.

Ослабление связи рабочих с землей в период империализма шло намного интенсивнее, чем в XIX в. Оно было обусловлено как разорением крестьян, возросшим под влиянием столыпинской аграрной реформы, так и непрестанным пополнением рядов рабочего класса за счет членов семей самих же рабочих. На фабрику или завод приходил рабочий с другим жизненным опытом, с другим уровнем сознания — более высоким, нежели у крестьянина, потерявшего землю и впервые пришедшего в промышленность. Приток потомственных рабочих был наиболее массовым в крупных индустриальных центрах, с давно сложившейся фабрично-заводской промышленностью (особенно машиностроительной и металлургической). Этим объяснялись наибольшая революционная активность и крупный размах борьбы рабочих в этих промышленных центрах.

[25] См. С. И. Антонова. Указ. соч., стр. 207.
[26] См. А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса в России. М., 1959, стр. 541.
[27] См.: «Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г.». М., 1910, стр. 37; «Свод... за 1913 г.». М., 1914, стр. XLIII.

Ю. Н. НЕТЕСИН

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОРНЯХ И ОСОБЕННОСТЯХ «РАБОЧЕЙ АРИСТОКРАТИИ» В РОССИИ

Перерастание капитализма в империализм сопровождается, как известно, глубокими изменениями в положении, составе и общественно-политическом облике пролетариата. Империализму свойственна тенденция к расколу рабочего движения на революционное и оппортунистическое течения. Эта тенденция, как показал В. И. Ленин[1], носит всеобщий, международный характер, но в зависимости от конкретно-исторических условий по-разному проявляется в отдельных странах.

В наши дни, на новом этапе общего кризиса капитализма, когда роль рабочего класса неизмеримо возросла, эта проблема заслуженно привлекает внимание марксистских исследовательских ассоциаций, институтов, учебных заведений, журналов, отдельных экономистов и социологов многих стран мира[2]. Особое внимание уделяется при этом вопросам, связанным с изучением так называемой «рабочей аристократии», являющейся социальной основой оппортунизма в рабочем классе и рабочем движении.

Между тем в нашей советской историографии социально-экономическое положение российского пролетариата в конце 90-х — начале 900-х годов до сих пор рассматривается лишь в самом общем виде, вне связи с коренными особенностями империализма в России. Исследователи экономической истории российского империализма, как правило, не анализируют характер и результаты воздействия империализма на социальный состав российского пролетариата; они останавливаются лишь на некоторых проявлениях паразитизма и загнивания, свойственных империализму вообще (рост слоя рантье, задержка технического прогресса и т. п.)[3]. При изучении формирования пролетариата и его материального положения в конце XIX — начале XX в. вопрос о степени раскола, внесенного империализмом в рабочий класс — между численно ничтожной подкупленной верхушкой и основной массой революционных рабочих — обычно даже не ставится. Все сводится, как правило, к анализу таких вопросов, как источники формирования, образование кадровых рабочих, возрастно-половой состав пролетариата и т. п.[4] Наконец многие историки рабочего движения, излагая общие теоре-

---

[1] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 119—120 и др.; «„*Буржуазная рабочая партия*“ *неизбежна* и типична для *всех* империалистических стран...» (там же, т. 30, стр. 174), это — проявление тенденции «империализма раскалывать рабочих и усиливать оппортунизм среди них, порождать временное загнивание рабочего движения...» (там же, т. 27, стр. 404).

[2] См., напр., материалы международных конференций ученых-марксистов в 1958—1961 гг., опубликованные в сборниках: «Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны. Материалы международной научно-экономической конференции в Берлине (1—4 октября 1959 г.)». М., 1959; «Новые формы эксплуатации и рабочее движение. Материалы обмена мнениями между марксистами ряда стран Европы, Америки и Азии по вопросу теории и практики «человеческих отношений» на капиталистических предприятиях. Рим, 13—15 октября 1958 г.». М., 1960; «Структура рабочего класса капиталистических стран. Материалы обмена мнениями, проводившегося в журн. «Проблемы мира и социализма» в 1960—1961 гг.». Прага, 1962, и др.

[3] Исключения крайне редки. Можно, напр., указать на отдельные замечания в монографии А. П. Погребинского «Государственно-монополистический капитализм в России». М., 1959, стр. 214; А. Л. Цукерника «Синдикат «Продамет»». М., 1959, стр. 262—264; на статью А. Л. Сидорова «Экономические предпосылки социалистической революции в России» («История СССР», 1957, № 4, стр. 38—39) и некоторые другие статьи и сообщения, указанные нами ниже.

[4] См. статью Л. М. Иванова «Состояние и задачи изучения истории пролетариата России».— «Вопросы истории», 1960, № 3, особенно стр. 68. Характерно, что в осуществленной группой специалистов под руководством А. Л. Сидорова подробной разработке проблемы исторических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции выделены такие вопросы, относящиеся к *промышленному пролетариату России в период империализма:* «его рост, изменения в составе и размещении; рост и формирование пролетариата на национальных окраинах; экономическое и правовое положение пролетариата» (сб. «Вопросы советской науки». М., 1958, стр. 6).

тические положения о природе оппортунизма, не освещают связь его российской разновидности с особенностями российского империализма, растворяют рабочую аристократию в неопределенной массе «мелкой буржуазии» различного происхождения и оттенков. Цель этой статьи — высказать некоторые предварительные соображения именно о конкретно-исторических корнях «рабочей аристократии» в России и ее особенностях.

В общем виде в марксистско-ленинской литературе эта проблема решена достаточно полно. Как известно, в целом экономическое положение рабочего класса определяется при капитализме условиями накопления, условиями расширенного капиталистического воспроизводства [5]. Однако абсолютный, всеобщий закон накопления «в своем осуществлении... модифицируется многочисленными обстоятельствами» [6]. Монополистическое перерождение мирового капитализма на грани XIX и XX вв., безусловно, в сильнейшей степени повлияло на модификацию этого закона. И величайшая заслуга В. И. Ленина заключается в том, что, выявив экономические признаки империалистической стадии (так сказать, наиболее общие черты «монополистического» накопления), он вместе с тем определил и специфику действия этого всеобщего закона в мировой системе империализма со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В. И. Ленин вскрыл основу неравенства в положении различных групп рабочего класса — неравенства, доходящего до возникновения внутри пролетариата различных социально-экономических прослоек. «Получение *монопольно-высокой* прибыли капиталистами одной из многих отраслей промышленности, одной из многих стран и т. п.,— писал он,— дает им экономическую возможность подкупать отдельные прослойки рабочих, а временно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной отрасли или данной нации против всех остальных» [7]. Так возникает известный верхушечный слой рабочих, противостоящий массе пролетариата и превращенный империалистической буржуазией в «реформистскую, оппортунистическую, боящуюся революции, мелкую буржуазию» [8].

Тем самым всеобщий закон капиталистического накопления получает следующее выражение: в ходе расширенного воспроизводства общественного капитала рабочие отдельных отраслей промышленности, отдельных стран и т. д. добиваются в классовой борьбе приостановки процесса абсолютного обнищания (или даже повышения общего жизненного уровня и улучшения условий труда на более или менее продолжительное время) при одновременном усилении этого процесса в других отраслях, в других странах, ограбляемых монополистами. Во всемирном масштабе эта «модификация» всеобщего закона капиталистического накопления выражается, по мысли Ленина, в расколе мира на две группы стран. Первая — кучка *богатейших империалистических стран* (Англия, Франция, Соединенные Штаты и Германия), которая «развила монополии в необъятных размерах, получает *сверх*прибыль в количестве сотен миллионов, если не миллиардов, «едет на спине» сотен и сотен миллионов населения других стран, борется между собой за дележ особенно роскошной, особенно жирной, особенно спокойной добычи» [9]. Монополистическая буржуазия этих стран, обладая соответствующими экономическими возможностями, может сравнительно большую часть своего населения превращать в участника дележа империалистической добычи. Вторая группа — масса «слабых наций» («такова Россия»), полуколоний и колоний, которые подвергаются империалистическому грабежу, которым угрожают раздел и удушение их гигантами-империалистами. Из этого различия в действии всеобщего закона в империалистической системе вытекает и различие в проявлениях так называемой исторической тенденции капиталистического накопления: в первой группе стран до известной степени затруднено возникновение глубоких революционных движений, в остальных — до известной степени облегчено [10].

Конкретизируя эту проблему применительно к России, необходимо выяснить, в чем состоят наиболее общие особенности, масштабы и степень расширенного воспроиз-

---

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 659—660.
[6] Там же, стр. 659.
[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 423.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 459.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 173.
[10] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 369—372.

водства промышленного капитала в системе российского империализма? Каково вытекающее из этого материальное положение пролетариата и его отдельных групп?

Главное противоречие системы монополистического капитализма в России состояло, как известно, в органическом переплетении новейших форм финансово-капиталистической организации с пережитками ранних стадий капитализма и феодализма при общем господстве монополий, финансового капитала в экономике страны [11]. Эта коренная особенность российского империализма наложила глубокий отпечаток на процесс расширенного воспроизводства капиталистической промышленности империи.

Прежде всего производство прибавочной стоимости — главный источник любого капиталистического накопления — не достигло и не могло достигнуть в промышленности России высокого уровня [12]. Два обстоятельства, прямо вытекавшие из наличия многочисленных остатков крепостничества в наиболее широкой отрасли народного хозяйства — земледелии, сильнейшим образом сказались на фабрично-заводской промышленности страны: узость массового рынка и колоссальное пролетарское перенаселение, главным образом аграрное, достигавшее к началу первой мировой войны, по самым осторожным подсчетам [13], 30

[11] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 416; т. 27, стр. 378—379; т. 34, стр. 367.

[12] В нашей исторической литературе довольно прочно укоренилось мнение о «чрезвычайно высокой норме эксплуатации», «высоком уровне эксплуатации» в промышленности России, сравнительно с показателями развитых капиталистических стран. Расчеты нормы прибавочной стоимости (точного выражения степени эксплуатации), установившейся в промышленности империи в начале XX в., опровергают это мнение. Анализ контекста, в котором некоторые историки оперируют понятием нормы эксплуатации пролетариата, обнаруживает досадную путаницу основных определений капиталистического процесса труда — таких, как соотношение необходимого и прибавочного, абсолютная величина прибавочного труда, «нормальность» или «чрезмерность» труда и т. п. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 229, 247, 650 и др.). Ясно во всяком случае, что норма эксплуатации рабочего далеко не совпадает с тем, что обычно называют «легкостью» или «тяжестью» труда. Кстати, Маркс принципиально допускал сравнительно низкую норму эксплуатации в «азиатских странах», где, как правило, ужасы чрезмерного труда — удел пролетариата (см. Соч., изд. 2, т. 25, ч. 1, стр. 164).

[13] См. С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 439.

млн. чел. (при 17—18 млн. всей активной армии наемного труда в России) [14]. В этих условиях сложилась материально-техническая база российского империализма, крайне слабо специализированная, сочетавшая новейшее оборудование, механизировавшее отдельные операции, с ненормально широким применением ручного труда [15]. Низкая эффективность этого производственного аппарата общеизвестна: к началу мировой войны промышленность Российской империи далеко отставала по производительности труда от развитых империалистических стран (например, от уровня США — в 9 раз) [16]. Вот почему [17] норма прибавочной стоимости в российской промышленности, как показывают подсчеты [18], стояла на сравнительно низком уровне — в 100%, т. е. на уровне, пройденном развитыми странами еще в середине XIX в.[19]

Эти же общие особенности российского империализма обусловили и характер распределения совокупной прибавочной стоимости, полученной в ходе эксплуатации фабрично-заводского пролетариата. Для промышленных ка-

[14] См. А. Г. Рашин. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма.— «Исторические записки», 46, 1954, стр. 160.

[15] В 1913 г. органическое строение капитала в промышленности Российской империи составляло примерно 3,6 : 1, в США — 6,3 : 1 (для России высчитано по данным: С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. М., 1930, стр. 91—95; его же. Проблемы экономики труда, стр. 55; данные о промышленности США — из работы: А. Г. Аганбегян. Вопросы теории монопольной цены. М., 1961, стр. 62).

[16] См.: «Развитие советской экономики». М., 1940, стр. 15; «СССР в цифрах в 1961 г.». М., 1962, стр. 89—90.

[17] «...Рука об руку с ростом производительности труда идет... удешевление рабочего, а следовательно, возрастание нормы прибавочной стоимости...» (К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1955, стр. 610).

[18] См. подсчет В. И. Ленина на 1908 г. (эта норма составила 102,3%.— Полн. собр. соч., т. 22, стр. 24—25). По подсчетам С. Г. Струмилина, в 1893—1913 гг. норма прибавочной стоимости в России составляла 99,5% (см. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 91—92, 193—194, 196—197). Анализ данных сборника «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год», СПб., 1903, обнаруживает норму прибавочной стоимости, равную примерно 90%.

[19] В промышленности США, напр., норма прибавочной стоимости уже в 1849—1859 гг. составляла 83—128%, к концу столетия — 152%, в 1909 г.— 166% (см.: А. Г. Аганбегян. Указ. соч., стр. 75; С. Л. Выгодский. Очерки теории современного капитализма. М., 1961, стр. 150; см. также Ю. Кучинский. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 37).

питалистов России итоги этого раздела выражались в следующем: несмотря на низкий органический состав капитала в промышленности, норма прибыли в среднем по всем фабрично-заводским предприятиям (в 1900—1913 гг.) не превышала 14—15% к основному капиталу[20]. Норма эта очень и очень скромна, учитывая, что в условиях России XX в. капитал, по признанию самих предпринимателей, ниже, чем из 12%, в промышленность не шел[21]. Куда же растекался остальной прибавочный труд российских рабочих? Здесь можно определить лишь наиболее заметные каналы, по которым значительная масса прибавочной стоимости отсасывалась из промышленности и застывала в формах, необратимых для целей ее расширенного воспроизводства.

Прежде всего, чистые издержки обращения в России, сравнительно с издержками обращения развитых капиталистических стран, были ненормально высоки в силу крайней организационной отсталости местной торговли и местного кредита[22]. По-видимому, сравнительно крупная часть прибавочной стоимости, произведенной в сфере промышленности, присваивалась также в виде ренты помещиками, городами и растрачивалась непроизводительно[23].

Далее, господство крупных промышленных и банковых монополий, сложившихся при активном участии иностранных промышленных групп, на скудной почве капиталистического накопления приобрело особенно тяжелые, хищнические формы. Общеизвестно, что нормы прибыли крупных нефтяных, каменноугольных, металлургических, машиностроительных, химических и текстильных предприятий России достигли 20—30% и выше к основному капиталу. Такой передел совокупной промышленной прибыли в пользу кучки монополистических воротил обескровливал накопление на широкой предпринимательской периферии, вызывал застой и гниение в массовых отраслях средней и мелкой промышленности. Однако — и это крайне важно — львиная доля национального дохода страны, присвоенная монополистической верхушкой, лишь в незначительной степени могла быть обращена на расширенное воспроизводство российской промышленности.

Причины этого таковы: 1. Значительное преобладание банковых монополий в системе российского финансового капитала при недостаточном финансово-капиталистическом перерождении промышленной буржуазии[24] привело к захвату банками ненормально крупной части промышленной прибавочной стоимости с дальнейшим обращением захваченных ресурсов на расширение прежде всего спекулятивных махинаций вокруг зависимых промышленных предприятий. Это было прогрессирующее паразитическое выкачивание средств из сферы промышленного накопления финансово-капиталистическими кругами, тесно связанными с рядом ключевых отраслей промышленности, но слабо или даже совсем не заинтересованными в производственно-техническом развитии финансируемых предприятий[25]. 2. Экономическая отсталость

---

[20] См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 72.

[21] См. С. Фармаковский. Синдикатские этюды. СПб., 1908, стр. 19—20.— В США в 1899—1914 гг. средняя норма прибыли, исчисленная в процентах к сопоставимой доле промышленного капитала, во всяком случае значительно превышала 20% (см. А. Г. Аганбегян. Указ. соч., стр. 65 и др.).

[22] *См.: И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки (из истории финансового капитала в России).* М., 1948, стр. 249—251, 263—264; Г. А. Дихтяр. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, в особенности гл. 3.

[23] К сожалению, влияние земельной собственности (особенно в городах) на развитие российской промышленности вообще не исследовано в нашей историографии, не говоря уже о таких частных вопросах, как удельный вес капиталистической ренты в общей массе промышленной прибавочной стоимости.

[24] Убедительное доказательство этого коренного своеобразия монополистического капитализма России принадлежит И. Ф. Гиндину (см. И. Ф. Гиндин. Банки и промышленность России до 1917 г. М.— Л., 1927; его же. Русские коммерческие банки. М., 1948). Я. И. Лившин, возражая И. Ф. Гиндину (см. Я. И. Лившин. Монополии в экономике России. М., 1961, стр. 103—104), исходит из неверного представления о каком-то абстрактном финансовом капитале, без внутренних различий, без определенной общей окраски (по преобладающему типу). Между тем такого финансового капитала не существует; даже в современных империалистических странах в составе финансово-промышленных групп отчетливо выделяются промышленное и банковское «крылья» (см., напр.: Е. Варга. Капитализм XX в., М., 1961, стр. 108—113).

[25] Доходность русских банков была в 2,2 раза выше, чем, напр., лондонских, выше, чем германских, и т. д. Согласно данным акционерной статистики, петербургские банковые монополии к дивиденду, платимому за счет прибылей от регулярных операций, могли добавлять еще примерно 50% за счет сверхприбыли от финансово-спекулятивных операций (см. И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки, стр. 338—339, 346—347 и др.).

России, ее зависимое положение в системе международного империализма получили наиболее полное выражение в огромном участии иностранных капиталов в ее народном хозяйстве [26]. Эксплуатация иностранным капиталом экономических ресурсов зависимых стран всегда отличается хищничеством. Преобладание же в составе ввозимых Россией капиталов средств французской группы, наиболее спекулятивной и «ростовщической» в системе мирового империализма, придавало хозяйничанью заграничных финансовых монополий ярко выраженные черты экономического авантюризма.

Следует учесть еще и следующее: доля иностранного капитала в разделе промышленной прибавочной стоимости относительно увеличивалась крупным его участием именно в делах российских банковых монополий (в объеме 44,1% всех основных капиталов). Следовательно, огромные объемы инвестиций, национальный состав и способы участия иностранных финансовых групп в российской промышленности выражали особенно хищническое направление их деятельности. Главная их цель состояла в получении огромных сверхприбылей не столько в форме дивидендов по акциям, сколько от различных махинаций с эмиссиями, от биржевых спекуляций и т. п. Результаты деятельности этой колоссальной паразитической системы таковы: ежегодно Россия выплачивала иностранным инвесторам свыше 400 млн. рублей процентов и дивидендов, а кроме того, огромные суммы доходов от спекулятивных махинаций, не поддающихся даже самому приблизительному подсчету. И это в то время, когда прирост материального имущества всей промышленности России за 1913 г., т. е. в самой высокой точке капиталистического развития страны, составил лишь 647,1 млн. рублей! [27] За два-три десятка предвоенных лет иностранный капитал выкачал из России без всякого эквивалента только по кругу крупных промышленных (включая железнодорожные), кредитных, торговых и тому подобных предприятий огромную сумму в 3,3 млрд. рублей [28]. Следовательно, самые развитые, «новейшие» формы капитала — финансового капитала, с какой бы стороны мы их ни рассматривали, в конкретных условиях России имели отчетливо выраженный оттенок ростовщического паразитизма [29].

Итак, собственные ресурсы расширенного воспроизводства промышленного капитала в конкретных условиях империалистической России не были и не могли быть значительными — таков вывод [30].

Но из этого вытекает следующее. Наличие гигантской резервной армии труда должно было с необходимостью повлечь за собой чрезмерный труд в качестве господствующей формы эксплуатации. Все усилия рабочего класса страны организованной борьбой смягчить следствия этого, по выражению Маркса, естественного закона капиталистического производства постоянно разбивались о противодействие капиталистов. Эта прямолинейная, «близорукая», «негибкая» стратегия, исключавшая экономические и политические маневры, более или менее широкие уступки ради спасения основ капиталистической эксплуатации, свидетельствовала, в частности, и о том, что российская буржуазия, в сравнении с «европейской», не обладала «излишними» ресурсами для такой гибкой, но сравнительно «дорогой» политики.

Рассмотрим ближе влияние этого обстоятельства на формы эксплуатации рабочего класса и на его внутреннюю структуру.

---

[26] По наиболее достоверным данным, иностранные вложения в 1914 г. в одни только акционерные предприятия составляли 1,5—2 млрд. рублей, в железнодорожный транспорт — около 4 млрд. рублей; внешний государственный долг (без железнодорожных займов) — 1859 млн. рублей и т. д.

[27] См. А. Л. Вайнштейн. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960, стр. 312—314.

[28] См. Л. Я. Эвентов. Иностранные капиталы в русской промышленности. М.— Л., 1931, стр. 38; С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 187.

[29] «Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом... Оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния» и т. д. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 159—160).

[30] Едва ли полученный результат существенно изменится, если мы учтем перераспределение части национального дохода страны в пользу промышленно-финансовой верхушки (главным образом в форме государственной поддержки некоторых отраслей промышленности, некоторых крупных банков и т. п.). Как известно, эти подачки царского правительства с лихвой перекрывались результатами его финансовой политики — массовым отвлечением свободных денежных капиталов на непроизводительные цели государства, паразитическое потребление и т. п.

На всем протяжении истории монополистического капитализма в России почти безраздельно господствовали методы грубой, экстенсивной эксплуатации (прогрессирующее понижение реальной заработной платы, сохранение ненормально длинного рабочего дня, усиление интенсивности трудового процесса при пониженной его механизации и т. п.) — методы, характерные для ранних стадий промышленного развития в передовых странах Европы и Америки [31]. В России возникла чудовищная система подавления пролетариата, соединявшая мощь полицейского государства с организованным террором, массовой, мелочной, повседневной «прижимкой» рабочих тысячами и тысячами предпринимателей. Непосредственным творцом «рабочей политики» в России выступало царское самодержавие с его вековой традицией «контроля» и «регулирования» всей общественно-политической жизни страны в интересах прежде всего крепостников-помещиков. Однако и среди широких слоев российской буржуазии также господствовали сторонники беспощадного классового террора [32].

Преобладание примитивных и грубых форм эксплуатации в промышленности России составляло глубокую основу всего социально-экономического положения российского пролетариата. С этой точки зрения общие особенности жизненных условий рабочего класса России вполне характеризуются уровнем заработной платы, являвшейся основным источником его существования.

Основываясь на данных дореволюционных обследований рабочих бюджетов, для 1900—1914 гг. можно ориентировочно принять уровень годовой заработной платы в 600—700 рублей достаточным для нормального воспроизводства рабочей силы в условиях промышленного города [33]. Между тем подсчеты показывают, что в эти годы

[31] В Англии, Франции, Германии и США эти формы эксплуатации сменились более утонченными — «интенсивными» — на протяжении первой половины XIX в. (см.: Ю. Кучинский. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 84—85; его же. История условий труда в США. М., 1948, стр. 71).

[32] См., напр.: Е. Д. Черменский. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. М., 1939; Я. И. Лившин. Указ. соч., стр. 394—446.

[33] Мы взяли в качестве критерия наличие в бюджетных группах «нормального» суточного питания в 3600—4000 калорий (по

средняя реальная заработная плата промышленного рабочего страны составляла всего лишь 253,5 рубля в год [34]. По имеющимся данным, подавляющее большинство рабочих отдельных отраслей и промышленных районов получали в год значительно ниже прожиточного минимума: в Московском районе — не менее 95% рабочих (при этом до 300 рублей — 88%) [35], в Иваново-Вознесенском — до 90% [36]; среди железнодорожных рабочих и служащих — примерно 90% (из них 77,6% — до 360 рублей в год) [37]. По данным фабрично-заводской инспекции, ни в одной отрасли промышленности империи, ни в одном промышленном районе средняя заработная плата, как правило, не достигла уровня, необходимого для нормального воспроизводства рабочей силы [38]. Многочисленные порайонные или отраслевые сопоставления «прожиточного минимума» с местными заработными платами, рассыпанные по периодической печати тех лет, при любых предпосылках приходили к одному выводу: заработная плата не покрывает самых минимальных потребностей рабочих [39].

исчислениям буржуазных физиологов конца XIX — начала XX в.), т. е. питания, обеспечивающего взрослому рабочему положительный баланс энергии и обмена (см.: Е. К. Кабо. Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926, стр. 20; С. Г. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 49—50); при этом предполагается, что нормально удовлетворяются и все другие потребности рабочего. Расчет проведен по материалам сборника «Условия быта рабочих в дореволюционной России». М., 1958, стр. 14, 74—82.

[34] См. С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 452.

[35] См. И. М. Козьминых-Ланин. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911, стр. 4 (по обследованию 1908 г.).

[36] См. В. Я. Лаверычев. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны. М., 1957, стр. 45.

[37] См. И. М. Пушкарева. Зарплата железнодорожников накануне революции 1905—1907 гг. (К вопросу о социально-экономическом положении железнодорожников).— «История СССР», 1957, № 3, стр. 160 (данные за 1905 г.).

[38] См.: «Своды отчетов фабричных инспекторов» за 1900—1913 гг.; «Фабрично-заводская промышленность в период 1913—1918 гг.», М., 1926, и др.

[39] См. подробные расчеты, приведенные в указанном сообщении И. М. Пушкаревой, стр. 155—156; Э. Э. Крузе. Петербургские рабочие в 1912—1914 гг. М.— Л., 1961, стр. 107—115 и др.; А. А. Нестеренко. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954,

Итак, несмотря на пестрые градации уровней оплаты труда отдельных отрядов российского промышленного пролетариата, в одном отношении его экономическое положение отличалось большой однородностью: подавляющая масса его находилась ниже уровня нормального воспроизводства рабочей силы. Иначе говоря, существовал огромный разрыв, более чем в 2,5 раза, между стоимостью нормального воспроизводства рабочей силы промышленного рабочего и действительной средней ценой ее. Это чудовищное отклонение индивидуальной стоимости рабочей силы промышленного рабочего от ее реальной цены, невероятное для более развитых капиталистических стран [40], вытекало из всей экономической обстановки дореволюционной России. Резкий контраст между городскими и сельскими условиями существования («...самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!» [41]) в сочетании с громадным аграрным перенаселением и относительной малочисленностью промышленных рабочих приводили к тому, что средняя цена рабочей силы определялась стоимостью жизненных средств примитивного деревенского существования.

Российские промышленники широко развязывали стихию конкуренции на рынке труда, сводя заработную плату промышленного рабочего ниже уровня стоимости нормального воспроизводства его рабочей силы. Следовательно, эксплуатация промышленных рабочих представляла собой не что иное, как интенсивное расхищение трудовых ресурсов страны. Вместе с тем в 1900—1913 гг. довольно определенно обнаруживается постепенное понижение реальной заработной платы, т. е. прогрессирующее абсолютное обнищание промышленного пролетариата. Так, если учесть повышение квалификации рабочих, реальная заработная плата в промышленности России составляла в 1900—1904 гг.—253,6 руб., в 1905—1909 гг.—233,5 руб.,

стр. 175, 254; В. Я. Лаверычев. Указ. соч., стр. 45; В. Ф. Борзунов. Рабочие сибирской железнодорожной магистрали в 1891—1904 гг.— «История СССР», 1959, № 4, стр. 117—122.

[40] В Германии, напр., в 1907—1913 гг. этот разрыв составлял только 33% (см. Б. Н. Михалевский. О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны.— «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 103).

[41] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.

в 1910—1914 гг.—250,6 руб. [42] В годы предвоенного подъема заработная плата рабочего России составляла лишь 98,8% от уровня кризиса 1900—1903 гг.

На общем фоне ярко выраженного абсолютного обнищания рабочего класса нелегко различить противоположное направление империалистической политики по отношению к пролетариату (Ленин называл ее методы чисто буржуазными, современными) [43]. История развитых капиталистических стран показывает, что все системы империалистического подкупа и развращения части рабочих, начиная от первых «диких» форм в Англии 20-х годов XIX в. и кончая современной интернациональной системой «человеческих отношений», всегда появлялись в качестве побочного продукта массового революционного движения пролетариата. Уступая крохи награбленного рабочей аристократии в момент революционной ситуации, «откалывая» ее от массы пролетариата, буржуазия этих стран на долгие десятилетия обессиливала рабочее движение, втискивая его в узкие рамки чисто профессиональных интересов [44]. При этом достаточно прочные и широкие системы подкупа возникали лишь при допущении буржуазией массового профсоюзного движения, замкнутого в рамках борьбы за чисто экономические интересы; именно при тред-юнионистском уровне движения [45] воз-

[42] См. С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, стр. 452; его же. Очерки экономической истории России. М., 1960, стр. 120.

[43] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 321.

[44] См., напр., С. и Б. Вебб. История тред-юнионизма, вып. 1—3. М., 1923—1925,— книгу, полную реформистского восторга при виде постепенного перехода революционного движения английских рабочих в 30—40-х годах XIX в. в состояние тред-юнионистского гниения и застоя в результате маневров национальной буржуазии. О современных попытках подкупа части рабочего класса буржуазией Западной Европы и США см. содержательный сборник «Новые формы эксплуатации и рабочее движение», стр. 29—45, 51, 85—87, 127—128, 146—147, 176—178, 313 и др., а также указанный нами ранее сборник «Проблемы кризисов и обнищание рабочего класса...».

[45] В. И. Ленин указывал на «*некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д.» у профсоюзов, по сравнению с высшими формами пролетарского движения (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33). Цели профсоюзов как таковых — сокровенные цели именно рабочей аристократии; вот почему Ленин называл последнюю профессионалистской, черствой, узкой, себялюбивой, корыст-

можен и даже неизбежен торг и сговор предпринимателей с группками рабочих за счет всей массы, стоящей, как правило, вне профсоюзов. На рынке труда, где господствуют реформистские профсоюзы, капиталист покупает таким образом не только рабочую силу, но и добровольного защитника системы капиталистической эксплуатации [46].

Российской буржуазии оказалось не под силу допустить развитие широкого профсоюзного движения с вытекающими отсюда возможностями развращения масс пролетариата: в ее составе отсутствовали достаточно сильные, практически серьезные и прочные течения за уступки рабочим в имперском масштабе [47]. Анализ «Временных правил об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. показывает, что в апогее своего правотворчества в «коалиционном вопросе» господствующие классы России остановились на уровне английского законодательства 20-х годов XIX в. Формально разрешив профессиональные объединения рабочих, они лишили их малейшей возможности вести экономическую борьбу. Слабо выраженные попытки монополистических заправил выкормить слой «обуржуазившихся рабочих» свелись к разрозненным усилиям отдельных предпринимателей создать свои «фабричные системы» подкупа, в отдельных случаях — отколоть от массы рабочих некоторые отраслевые отряды, профсоюзы и т. п. [48] Но даже и в этих случаях современные формы подкупа верхушки пролетариата (дифференциация заработной платы, премиальные, пенсии, различного рода доплаты и т. п.) причудливо переплетались с внутрифабричными системами террора и представляли собой непосредственное дополнение кабальных «прижимок» рабочих (прибавки к заработной плате, но «достойным», «премии за спокойствие», повышенная оплата надсмотрщикам, доносчикам, специальным подручным администрации и пр.) [49]. В результате этого в среде российского пролетариата возник очень тонкий, своеобразный по структуре, резко противостоящий всему классу слой рабочей аристократии.

ной и пр. (см. там же, стр. 35); см. также: Р. Гильфердинг. Финансовый капитал. М., 1959, стр. 453—470.

[46] О роли реформистских профсоюзов в качестве аппаратов «классового мира» см.: сб. «Новые формы эксплуатации...», стр. 134—158 и др.; Ю. Кучинский. Положение рабочего класса в Англии. М., 1958, стр. 74, 145.

[47] См., напр., указ. соч. Я. И. Лившина, стр. 416, 417, 421, 436 и др.

[48] На крупных фабриках в некоторых районах (напр., в Бакинском нефтяном) уже в конце XIX — начале XX в. предприниматели стали практиковать разделение заработной платы на постоянную часть и разного рода наградные (см., напр.: М. И. Гильберт. Движение заработков рабочих в конце XIX в.— В сб. «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 330; сб. «Условия быта рабочих...», стр. 64—71 и др.).

В точном смысле слова рабочий-аристократ это такой промышленный рабочий, который получает заработную плату выше действительной стоимости своей рабочей силы [50]. Выше мы определили границу стоимости полного воспроизводства рабочей силы среднего промышленного рабочего России в условиях города в 600—700 руб. Следовательно, заработная плата свыше 700 руб. в год выводила российского рабочего за пределы пролетарского существования в точном смысле слова. Это подтверждает анализ имеющихся материалов о высших бюджетных группах рабочих: начиная с 700—800 рублей не только исчезает дефицитность среднего бюджета, но и появляются прогрессивно растущие накопления [51]. Известно также, что средняя прибыльность промышленных капиталистических предприятий с 2—9 рабочими составляла в России

[49] См., напр.: «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы». Л., 1958, стр. 47, 111—114; Я. И. Лившин. Указ. соч., стр. 436.— В Рижском промышленном районе в ходе революции создалась система «кулаков-посредников», имевшая различные формы в разных отраслях и на разных предприятиях. На одной фабрике обычный посредник между группой рабочих в 5—10 чел., работавших аккордно, и предпринимателем получал двойную-тройную заработную плату, на другой — подхалим, следящий за рабочими, получал от директора или мастера особо выгодную работу, лучшие станки, лучшее сырье и т. п., на третьей — просто «дружки» мастера, его собутыльники, глумились над рабочими, терроризировали их (см. журн. «Ародниекс», 1910, № 12).

[50] В историко-экономической литературе широко распространено определение рабочей аристократии как «слоя высокооплачиваемых рабочих», без указания на меру этой высоты. Более точное определение дает редколлегия журнала «Проблемы мира и социализма»: «Если зарплата некоторых групп рабочих в течение длительного времени превышает стоимость рабочей силы..., то это... может служить экономической основой возникновения рабочей аристократии» (см. «Структура рабочего класса...», стр. 118).

[51] См. сб. «Условия быта рабочих...», стр. 92—95.

от 763 до 900 рублей [52]. Далее, низшие государственные чиновники, несомненно мелкобуржуазные по своему положению, получали годовое жалованье в эти годы в размере 800—1500 рублей [53] (средний промышленный служащий — примерно 1000 рублей в год) [54]. Наконец, на 700—800 рублей как на грань, разделяющую различные слои рабочих, указывают и некоторые экспертные оценки современников и специалистов [55]. Следовательно, получая заработную плату свыше 700—800 рублей, рабочий в России объективно попадал в привилегированное положение по сравнению с основной массой рабочего класса.

Полученный нами интервал — 700—800 рублей — нуждается, конечно, в уточнении, но он позволяет все же сделать некоторые общие прикидки относительно удельного веса рабочей аристократии в массе российского пролетариата. Так, в среде промышленных рабочих Московского района она составляла не более 4—5% всех рабочих [56], среди железнодорожников — 7,4% [57]. В этих же пределах колеблется удельный вес высокооплачиваемых рабочих по отдельным предприятиям, о которых мы имеем соответствующие данные [58]. В среднем во всем промышленном

[52] См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 75.

[53] См. «Полное собрание законов Российской империи. Отделение II, штаты и табели» за 1900—1913 гг.

[54] См. С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, стр. 74.

[55] Группа рабочих, расходующих более 700 рублей в год, «резко выделяется из общей массы рабочих. Рабочий, тратящий на себя в год более 700 рублей, занимает промежуточное положение между пролетариатом и имущим, привилегированным классом. Он представляет собою социальный тип, совершенно отличный от *обычного наемного рабочего*» (*С. Н. Прокопович. Бюджеты* петербургских рабочих. СПб., 1909, стр. 13). «Кулаки,— писал рижский профсоюзный журнал в 1910 г., имея в виду рабочих, получающих свыше 700 рублей,— составляют лагерь, полностью противостоящий массе рабочих не только внешне, но и идейно» (журн. «Ародниекс», 1910, № 12).

[56] См. И. М. Козьминых-Ланин. Указ. соч., стр. 167.

[57] См. И. М. Пушкарева. Указ. соч., стр. 160.

[58] Напр., на фабрике Э. Цинделя (см. С. И. Антонова. Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса. М., 1951, стр. 216), на ткацких фабриках Иваново-Вознесенска (см. В. Я. Лаверычев. Указ. соч., стр. 45) и др.; см. также сб. «Условия быта рабочих», учитывая при этом, что

пролетариате России слой рабочей аристократии едва ли превышал 4%. Это немного, учитывая, что в Англии, например, рабочая аристократия, по некоторым подсчетам, в предвоенные годы составляла 15% всего пролетариата [59], в Германии (в 1910 г.) — 9% [60]. Можно полагать, что слой рабочей аристократии образовался во всех отраслях промышленности и транспорта России, причем в тем большей степени, чем глубже была захвачена отрасль монополистическим перерождением (например, в нефтяной промышленности Баку, металлургии юга, машиностроении и т. п.) [61].

Но степень влияния этого верхушечного слоя в массе российского пролетариата далеко не соответствовала его удельному весу. Ибо верхушечная прослойка в России была более всего оторвана в экономическом отношении от основной массы пролетариата. Если в Германии, например, в 1900—1913 гг. заработная плата рабочих-аристократов превышала среднюю по промышленности в 2,8 раза [62], а в США — приблизительно на 30% [63], то в России это превышение составляло по меньшей мере 3—4 раза. Привилегированное положение высокооплачиваемых рабочих создавалось здесь не просто за счет повышенной эксплуатации основной массы трудящихся, а именно за счет хищнического прожигания трудовых ресурсов страны, за счет страданий и гибели целых поколений наемных рабочих России. Отсюда специфическая, я бы сказал, административная окраска этого слоя: в нем, судя по всему, над рабочими, занятыми в производстве, резко преобладали надсмотрщики, «мастерки», посредни-

материалы бюджетных исследований охватывали рабочих с уровнем заработка выше среднего.

[59] *Л. Тортон и Дж. Тейт. История английского рабочего* движения. М., 1959, стр. 199—200.

[60] Б. Н. Михалевский. Указ. соч., стр. 108.

[61] Среди бакинских рабочих, напр., обследованных в 1910 г. и представлявших довольно точно весь промышленный пролетариат района, рабочие с бюджетом свыше 800 рублей в год составляли 11,2% (см. сб. «Условия быта рабочих», стр. 170). Есть данные о значительном развитии высокооплачиваемого слоя в так называемых *«ремесленно-фабричных» отраслях (на обувных, пошивоч*ных и тому подобных предприятиях), где ремесленное мастерство играло значительную роль в трудовом процессе.

[62] Б. Н. Михалевский. Указ. соч., стр. 106.

[63] Ю. Кучинский. Условия труда в США, стр. 290.

ки и т. п., отделенные от массы рабочих уже по характеру своих функций. Такой состав «рабочей аристократии» характерен как раз для промышленности, где преобладают особенно грубые формы эксплуатации (например, в некоторых отсталых промышленных отраслях Германии в предвоенные годы) [64].

Рабочая аристократия в России не развилась в широкую социальную группу, она осталась узким слоем привилегированных рабочих, не выделила из себя группировок «парламентариев, журналистов, чиновников рабочего движения» [65], столь характерных для рабочего движения развитых империалистических стран.

Жизненный путь российской рабочей аристократии оказался коротким. Можно полагать, что в 60—80-е годы XIX в. экономическое положение российского пролетариата отличалось слабой дифференциацией, что характерно именно для капитализма свободной конкуренции [66]. Однако уже в годы промышленного подъема 90-х годов можно обнаружить явственные следы рабочей аристократии (например, на Путиловском заводе [67], в металлургии юга [68], Урала [69], в крупном судостроении [70] и т. д.). Широкое развитие монополий и финансового капитала в начале XX в. дало толчок дальнейшему расширению слоя «обуржуазившихся рабочих» [71]; в годы предвоенного подъема можно наблюдать довольно значительное проявление массового оппортунизма в отдельных промышленных районах (например, в Бакинском нефтяном [72], в Петербурге [73]). В военное время, в пору бешеных военных прибылей, рост рабочей аристократии принял довольно широкие размеры [74]. В эти годы в рамках возникшего государственно-монополистического капитализма в России образовалась общеимперская система подкупа и развращения пролетариата в форме организации «рабочих групп» при военно-промышленных комитетах («гвоздевщина»). Ожесточенная борьба революционных масс рабочих против социал-предательства в годы войны явилась предвестником полной изоляции рабочей аристократии и окончательного банкротства оппортунизма накануне Октябрьской революции. Следовательно, рабочая аристократия в России развивалась в прогрессирующем отрыве от подавляющих масс пролетариата, и за какие-нибудь двадцать лет она полностью исчерпала себя.

Итак, всеобщий закон капиталистического накопления действовал в системе российского империализма с большой силой — таков основной вывод из анализа общего экономического положения пролетариата России в конце 90-х — начале 900-х годов. Не только относительное, но и абсолютное обнищание российского рабочего класса вылилось в длительную, постоянную тенденцию; с другой стороны, незначительный слой рабочей аристократии с самого начала развивался в усиливающемся отрыве от широких пролетарских масс.

---

[64] См. Б. Н. Михалевский. Указ. соч., стр. 106.

[65] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 255.

[66] См., напр.: Ю. Кучинский. История условий труда в США, стр. 161; его же. История условий труда в Германии, стр. 84—85, 149—152; его же. Положение рабочего класса в Англии, стр. 74.

[67] См. М. Миттельман, Б. Глебов, А. Ульянский. История Путиловского завода. М., 1939, стр. 173, 177.

[68] См.: А. А. Нестеренко. Указ. соч., стр. 81; К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. 2. Л., 1924, стр. 72.

[69] См. «Положение рабочих Урала во второй половине XIX—начале XX века». Сб. документов и материалов. М.—Л., 1960, стр. 445.

[70] См. И. А. Бакланова. Рабочие-судостроители в России в XIX в. М.—Л., 1959, стр. 158, 161—162.

[71] См., напр., статью М. К. Рожковой «Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892—1913 гг.» в сб. «Из истории рабочего класса», стр. 340.

[72] Г. А. Арутюнов. «Стачечная борьба бакинских нефтяников в июле-августе 1913 г.» в сб. «Из истории рабочего класса», стр. 408.

[73] См. сб. «Рабочее движение в Петрограде...», стр. 63, 66 и др.

[74] См.: А. П. Погребинский. Государственно-монополистический капитализм в России. М., 1959, стр. 214; С. Г. Струмилин. Заработная плата.., стр. 11; И. П. Лейберов, О. И. Шкаратан. К вопросу о составе петроградских промышленных рабочих в 1917 г.— «Вопросы истории», 1961, № 1.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Ученая степень, место работы	Тема, где опубликовано
69.	Шнитман Абрам Моисеевич	Доктор и. н. Пединститут, Мурманск	«Большевистская „Правда" и война на Балканах в 1912—1913 гг.». Сообщение. См. 1) «Большевистская газета „Правда" и болгарское рабочее движение (1912—1914 гг.)». Мурманск, 1962; 2) «Из истории русско-болгарских марксистских связей в 1910—1912 гг.». Мурманск, 1962
70.	Щербаненко Борис Михайлович	Канд. и. н. Университет, Харьков	«Большевики во главе рабочего движения в Харькове в 1910—1914 гг.». Сообщение. См. «Труды кафедры истории КПСС Харьковского ун-та», т. I, 1962
71.	Яковлев Николай Никифорович	Доктор и. н. Историко-архивный ин-т, Москва	Руководитель секции.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ
И РАБОЧИЙ КЛАСС РОССИИ
В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА
(1910—1914 гг.)

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*
Художник *А. Г. Кобрин*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

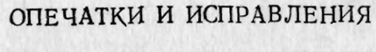
Темплан 1964 г. № 5. Сдано в набор 23/X 1964 г.
Т 18714. Подписано к печати 30/I 1965 г. Формат $84\times108^{1}/_{32}$.
Печ. л. 12,75 (25,5) Усл. л. 21,32. Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 1700 экз.
Изд. № 4126/64. Тип. зак. № 1386.

Цена 1 р. 46 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
96	1 св.	всей профессий»	всех профессий»
106	17 св.	и 1912 году»	в 1912 году»
117	4 св.	РСДРП;	РСДРП,
165	5 св.	Ганенталь	Гакенталь

Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема (1910—1914).